Каждым рублем, вложенным в сберкассу и в займы, мы бьем наших врагов и укрепляем строительство социализма в СССР.

М. И. Лукьянов

Из воспоминаний о замечательнейшем сибиряке гитаристе Петре Варуховиче Александрове.

Красноярск 1951 г.

В каждой школе, квартире, в каждой семье, у всех трудящихся должны быть, как свидетельство участия их в социалистическом строительстве:

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА

с постоянным и все возрастающим остатком на ней сбережений.

Облигации массовых займов. Страховое свидетельство на добровольное страхование жизни.

Юные пионеры, школьники и молодежь, в отряде, школе и на работе будьте энтузиастами, проводниками, пропагандистами и организаторами социалистических сбережений.

Трудовые сбережения, вложенные в сберкассу, в заем и добровольное страхование укрепляют строительство социализма и улучшают жизнь трудящихся.

Гитара в сибири.

материалы, вып. III

М. Н. Лукьянов

Из воспоминаний

о замечательнейшем сибирском

гитаристе Петре Варуховиче

Александрове

Красноярск

1931 г.

Из воспоминаний о замечательнейшем сибирском гитаристе Петре Варуховиче Александрове

I

Стояла конец октября 1909 года. Первый снег и холода выгнали меня с топографических работ из гор Золотопромысковой дачи Мариинского уезда в село Чулай. В тот же вечер моего приезда подъехали с гор Переселенческие дорожники, и мы все купно приютились на земской квартире.

Иззябшие, усталые и голодные после сороковерстного переезда в седле по глухим, горным лесным тропинкам, мы только что разместились за столом, чтобы согреться чаем и поужинать, как нагрянули акцизные чиновники из Мариинска.

Перезнакомились, потеснились за столом.
– Тесно, да не в обиде и, при том, – свой брат, чиновники, – шутил один из акцизников.

Разговор за чаем, в начале сбивчивый и разнородный, скоро укрепился на теме о местной охоте в горах, а потом перешел на музыку: один из акцизников обратил общее внимание на футляр с гитарою, лежавшей поверх шкафа. При выездах на работы я оставляя скрипку и гитару на земской квартире.

Один из дорожников-студентов, сильный и даровитый пианист, отнесся к гитаре с большим пренебрежением, назвав ее родною сестрой деревенской бандуры.

Сидевший рядом со мною акцизник шепнул мне, что было-бы недурно вызволить Петра Варуховича на игру, и что не найду ли я каких-либо путей всу-

чить ему гитару, которая уже, по-видимому, интересует его своей странною формой и ценностью, - об этом и другом говорит футляр своей дорогой и изящной отделкой и очертаниями инструмента.

— Я, вот, служу вместе с П.В. много лет, но слышал его более на концертах, чем в домашней обстановке. Гитара в руках П.В. — решительно все, - арфа, виолончель, пианино, но только, прежде всего, не гитара, какую мы слышим всегда и везде.

Я, с детства влюбленный в скрипку, на которой учился давно и настойчиво, по школам Мазаса и Берио, на гитаре бренчал бессистемно, путаясь между Любавинским и Деккер-Шенковскими цифирными самоучителями, и полуграмотными нотными школами Чекрыгина и Соколова, и собирался выписать из Тюмени заочные уроки Яромеева,

о чем и упомянул в общем разговоре.

– Жулик на гитаре этот Аврамеев, – вдруг отозвался с угла стола, до того не проронивший ни одного слова, пожилой, лет под пятьдесят, смуглый брюнет с длинною бородою, крупными чертами лица и каким-то особенным, демоническим поблескиванием глаз.

– И выводит он, говоря Вашими словами, гитару в люди, но только, по моему мнению, на посрамление. Кстати, М. Ж., меня интересует Ваша гитара своей своеобразной формой, да, повидимому, она не из дешевых. Разрешите мне испробовать ее. Я хотя и не гитарист, какие когда-то бывали и теперь еще находятся, а так, маленький бандурист, но все же, пожалуй, могу доказать, что не один „Чижик" исполняется на семиструнке.

Жиголь щелкнул ключ и застежки на футляре, и я передал гитару П-у В-у.

Он немного отодвинулся от стола. Студент пианист демонстративно сел в полуоборот к П.В.; одни выразили удивление перед необыкновенной для гитары формой, другие нашли очень изящной и тонкой отделку гитары цветным перламутром, а все и акцизники сразу насторожились и притихли.

Аккорд, другой, третий...

Гитара проверена, и П.В заиграл какую-то собственную композицию, по характеру близкую к прелюдии.

Начало покойное, медлительное.

Густые, сложные аккорды, по тембру, как бы из-под клавишей пианино, словно что-то рокочет и надвигается издали.

Музыкальная фраза закончена, - короткая пауза и мелодия повторяется вновь, и чем далее, тем теснее вплетается в нее прибой морских волн, их шум, и гул, порывы ветра...

Буря на море... Молниеносно мелькают пальцы левой руки, складываясь чисто в акробатические фигуры, и, чередуясь с рядом богатых, звучных аккордов, полились бешеные арпеджио, и пальцы правой руки, как бы, сливались во-едино, как сливается в сплошной круг юловка, вращаемая при детской забаве на нитке...

Разговоры оборвались с первых аккордов, все притихли. Я жадно впился в пальцы П.В. ища в них объяснения гитарной музыки на гитаре, и только один Дома неверующий, дорожник - пианист, хотя и хранил свое первоначальное полулежащее положение, но уже не однажды повертывался лицом к гитаре, и, наконец, совсем обернулся к ней, когда П.В. блистательно покрыл легато трех или четырех тактов под-ряд и дал, в заключении прелюдии, рой изумительно

поющих чистых, сильных фламжолето.

Короткая пауза, и гитара запела Сихровскую "Среди долины ровные". Сихру сменил Марков „Карнавалом Эрнста", Маркова - Высоцкий ....

И гитара пела до глубокой полночи, пела голосами юных девушек, к ним присоединялся высокий тенор и, словно из-под глухого подземелья, им вторили басы.

... Но, вот, человеческие голоса сменяет пение виолончели, льются протяжные, долгие звуки, как бы из-под смычка, и в то же время где-то в высоком регистре трепещут и бьются флейты и свирели и, перемежаясь с ними, гулко и плавно рокочет арфа.

Под конец, П.В. перешел на свои композиции и ~~от них~~ к импровизациям, в которых гитара пела, плакала, тосковала, смеялась.

Закончил он игру своей любимой композицией „Казачий марш Мищенко".

В начале пьесы слышатся приготовления к построению казачьей конницы в ряды, плач и причитания женщин.

.... Пронесясь слова команды, зазвучали трубы, и полк понесся на рысях.

И гитара одновременно дает живую иллюзию уходящего на фронт полка: трубы поют веселей, заносистый марш, сменяющийся хоровым напевом „Засвистали Козачеськи", ржут кони, - упоительно, безподобно ржут. Слышится лязг оружия, слова команды, топот копыт...

Неверный Фома, еще слушая "Среди долины ровные" сидел зажав голову в руках, поставленных локтями на стол, и так до конца игры П.В. и не изменил своего положения.

У многих стояли слезы на глазах, а пришедшие на музыку хозяйские дочурки, - закорузлые толстомясые сибирячки, которых,

казается, нельзя было пробить и из крепостного орудия, - прикрив глаза ресницами, тихо всхлипывали у дверей.

Нельзя было узнать и П.В. Из скромного, застенчивого в движениях, он обратился в сильного, властного, черты его лица стали строгими, огнем сжигали его демонические глаза.

И всем нам было ясно, что сила его игры хранится не в одной его изумительной технике и в проникновенном умении владеть всей многосторонностью гитары в звуковом мире, - он сливался воедино с музыкой своими чувствами, переживаниями, жил и горел в ней и, играя, творил безпрестанно все новое и новое.

Возвратив мне гитару, П.В. опять как бы съежился, потух, посерел.

Утром, пока мы еще спали,

акцизники и П.В. уехали „на медведя".

В этот день я много трунил над студентом-пианистом в его огромет-ливом суждении о гитаре, а он твер-дил мне, что после музыки П.В. ему долго не сесть за фортепиано.

II

В начале зимы того же года я, будучи в служебной командировке, застрял надолго у П.В., жившего в 20 верстах под Мариинском на краю деревушки в собственном домике, который он при переме-щениях по службе перевозил с собою. Домик состоял из 2х ком-нат, и он то ставил его одноэта-жным, то в два этажа.

Жалование по своей службе по-лучал маленькое и жил скудновато.

Единственно, чем он был богат - это охотничьими ружьями, в осо-бенности винтовками, и гитарою.

Он и жил более всего в лицах

охоты и музыки. Он был заядлый охотник и удивительный стрелок, но никогда и ничего не рассказывал о своей охотничьей жизни и о подвигах в ней и, удивительно владея гитарой, всегда звал себя „маленьким бандуристом".

Благоволил перед Сихрою и называл его в разговоре не иначе как „дедушкою Сихрой".

Почти виртуозно играя на скрипке, он пытался переложить композиции русских песен Высотского на смычок и пробовал выступать с ними на Концерте, но был встречен Мариинскою публикою равнодушно, между тем как те-же песни Высотского на гитаре проходили перед тою же публикою при восторженном отношении к ним.

— Видно вариации русских песен хороши только на гитаре, и

только гитара может вполне передать русскую песню... Только гитара и никакой другой инструмент, - уже уверенно добавил П.В. Кончая свое повествование о пребывании Высоцкого на скрипке.

Простой и прямой по характеру в обращении с людьми, П.В. принимал меня с деревенским радушием и играл много и подолгу. И что бывает не со всеми музыкантами, - играл всегда с увлечением, с огоньком.

Как-то раз после утреннего чая, а вставал П.В. рано, - я стал рассказывать ему о величии грозы, захватившей меня прошедшим летом в теснинах реки Северного Кожуха, в ~~высоко~~горнической даче.

П.В. вспомнил такую же грозу в Петровке на Кожухе во время охотничьих скитаний и, начавши рассказ, вдруг оборвал его.

– Я, М.Н., не поэт, да и простым слогом для путного рассказа не владею и, пожалуй, на гитаре расскажу лучше.

И он снимает гитару со стены.

.... Яростно бьется, шумит, рычит и ревет между камнями порогов и высоких каменистых стен ущелья грозный Кожуж, шумит и тысячами голосов гудит-звенит тайга, ливнем хлещет дождь, и вдруг все покрывает могучий раскат грома....

Где-то треснул, пал с пушечным выстрелом многовековой, в несколько обхватов, старый великан-кедр, и вновь льет дождь, уходит и возвращается шум-перезвон тайги, и по прежнему бьется и неистовствует седой от пены на порогах Кожуж....

Увлеченный игрою Л.В., я каждый вечер решал уехать на завтра, а завтра снова оставался у него.

Когда я прибыл в Переселенческий отряд и заведующий им Н.К. Шуман (ныне покойный) удивился моей неаккуратности по службе, чего ранее за мною не было, я объявил ему, что и с ним было бы то же, если б он очутился на моем месте.

– Я, Николай Карлович, слышал Паганини на гитаре.

– Спорить не буду, Паганини редки и, пожалуй, стоят и... выговора по службе.

III

В 1918-19 г. я жил в Семипалатинске и слышал от старожилов много восторженных отзывов об игре П.В., а был он здесь еще сравнительно очень молодым.

Как добивались его уроков и как он был скуп на них даже в пору материальной необеспеченности, характерен следующий случай.

П.В. в Семипалатинске служил на

почте. В силу тяжелого материального положения, вызванного печальной случайностью от него независящей, он был вынужден жить одно время в крохотной комнатке, в которой с трудом помещалась кровать, стол и стул, и самому жильцу уже повернуться негде было. Свою квартиру он тщательно скрывал от всех.

Местный купец П., молодой человек, услышав как-то его игру, долго и безуспешно упрашивал П.В. давать ему уроки на гитаре. П.В отказался наотрез дать ему даже свой адрес.

Тогда купчик решил выследить его.

— Гляжу я, П.В. завертывает на двор почты, я гуськом за ним. Он огибает по двору дом, растворяет ~~форточку~~ окно, дело было летом, и через него - в комнату, я - за ним. Оказалось, что его жилище не имеет дверей: отгорожена часть комнаты

с одним окном, и - только.

Стоим, это, в тесноте, напирая друг на друга, и обоим стало смешно.

Раздобрел ли П.В. или мое упрямое желание учиться на гитаре размягчило его, но только я добился своего, и он стал давать мне уроки.

Разойдется иной раз П.В. в конце урока и подолгу играет и каждый раз по новому и новое. Сидишь - пошевелиться боишься. Доведет иной раз игрой до того, что слушаешь, а слезы так и подступают... Не с одним со мной это бывало при его игре.

П.В. начал игру на гитаре в Самуналатинске. Учителем его был старик - доктор. Он исполнял пьесы легкой и средней трудности Сихры, Высотского и других.

П.В. через год учения опередил своего учителя, и последний в изу-

мгнении перед уезжали его подарили ему свою довольно ценную гитару, а себе приобрел более дешевую.

Лучший гитарист в Барнауле, Степан Васильевич Пешков, принялся за кропотливое и долгое изучение гитарной музыки после того, как услышал игру П.В.

По словам С.В. Пешкова, П.В. играл с изумительной силой и с необыкновенным под'емом чувства.

Барнаул
1931 г. 22/V

М.У.П-б.

Этюд Каркасси

/. Над М. Я - ой /.

Пальчики тонкие девочки милой
Быстро по струнам бегут,
Чуть их касаясь, и с дивною силой
Льют и чеканят этюд.

Гонит ли бора, то думный, то грозный,
По верхам сосен бежит,
Или невнятный, капризный, холодный
Ключ под скалами бурлит.

Стонет ли чайка над озера дальним
И шелестят камыши,
То-ль в степи, над Курганом печальным,
Кто-то рыдает в тиши...

Пальчики смуглые девочки милой
Переплетаясь, бегут
Быстро по струнам и с дивною силой
Льют и чеканят этюд.

1929 - XII
Акмолинск

М. Ф. Лукьянов.

С

Цена 7 к.

Для Сибири, Дальнего Востока и Ср. Азии цена 8 коп.

Продажа по более высокой цене карается по закону.

Лигр. Областлит № 18868. ОСТ—575. Статформат А5 148×210. Тираж 80.000.000.
Гос. ф-ка „Светоч", Ленинград.